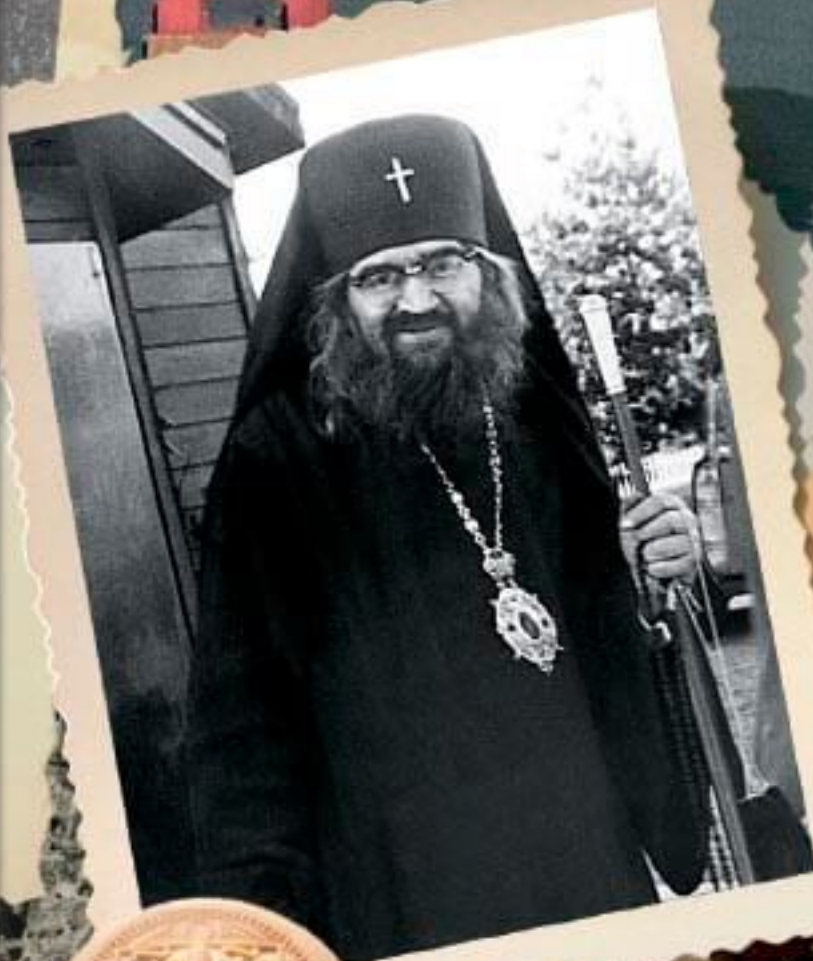

Ольга Рожнёва

КАК ОТКРЫВАЛИ МОЩИ СВЯТИТЕЛЯ

или
Жизнь
одной
семьи
в эпоху
перемен

ИОАННА ШАНХАЙ- СКОГО

Ольга Рожнёва

**Как открывали мощи святителя
Иоанна Шанхайского, или Жизнь
одной семьи в эпоху перемен**

«Вольный странник»

2021

Рожнёва О. Л.

Как открывали мощи святителя Иоанна Шанхайского, или Жизнь одной семьи в эпоху перемен / О. Л. Рожнёва — «Вольный странник», 2021

ISBN 978-5-00178-090-8

Повествование этой книги богато событиями и приключениями и охватывает главные катастрофы и катаклизмы XX века. Обширна и география книги: царский Петербург, Хабаровск и Русский остров, Гензан и Шанхай, Белград и Лиенц, Австрия, Италия, Америка. Книга будет интересна всем, кто любит историю и приключения, а также тем, кто интересуется духовной жизнью и хочет узнать новые факты из жизни подвижников благочестия и великого святого нашего времени – святителя Иоанна Шанхайского.

ISBN 978-5-00178-090-8

© Рожнёва О. Л., 2021

© Вольный странник, 2021

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Как открывали мощи святителя Иоанна Шанхайского и другие удивительные истории	9
Истории протоиерея Георгия Куртова, настоятеля Серафимовского храма в городе Монтерей, Калифорния	9
Часть II. История одной семьи в эпоху перемен, или Не падайте духом, поручик Голицын!	40
Об «Истории одной семьи в эпоху перемен»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ольга Леонидовна Рожнёва

Как открывали мощи святителя

Иоанна Шанхайского, или Жизнь

одной семьи в эпоху перемен

© Рожнёва О. Л., 2021

© Оформление. ООО «Вольный Странник», 2021

Предисловие

Среди многих удивительных встреч, которые Божьим Промыслом случились в моей жизни, одной из самых замечательных стала встреча с семьей Куртовых. Меня познакомил с ними мой друг, Михаил Владимирович Арсентьев, благодаря которому я смогла совершить несколько путешествий по Америке и написать книги «Полынь скитаний» и «Удивительное путешествие в православную Америку». И вот теперь благодаря Михаилу родилась новая книга.

Герои этой книги, протоиерей Георгий Куртов и матушка Елена Куртова, – очень светлые и чистые люди, общение с которыми стало для меня большой духовной радостью и утешением.

Отец Георгий – настоятель Серафимовского храма в Монтерее (Калифорния), человек нелегкой и даже чудесной судьбы. Будучи русским, он родился в Канаде, учился в Джорданвилле среди братии знаменитого Свято-Троицкого монастыря. Его духовными наставниками были митрополит Лавр (Шкурла), архиепископ Аверкий (Таушев), архиепископ Антоний (Медведев) и другие подвижники РПЦЗ.

Отцу Георгию посчастливилось служить в Богородице-Владимирском женском монастыре (Сан-Франциско), основанном еще в России прозорливой старицей-игуменьей Руфиной (Кокоревой): в 1925 году прямо в ее руках обновилась чудотворная Владимирская икона Божьей Матери. В годы служения отца Георгия в этом монастыре, руководимом после смерти старицы ее духовной дочерью игуменьей Ариадной (Мичуриной), тоже обновлялись иконы, и отец Георгий был этому свидетелем.

Он также рассказал мне о чудесных событиях в своем храме: когда прихожане только основали его и думали, в честь кого назвать, первому настоятелю явился сам преподобный Серафим. Об этом одна из историй данной книги. Еще одним чудесным событием стало обретение наперсного креста святого и праведного Иоанна Кронштадтского, о чем настоятелю возвестил сам святой. И эта история тоже есть в книге.

Одним из самых значимых событий в жизни протоиерея Георгия Куртова стало участие в открытии мощей святителя Иоанна Шанхайского, Сан-Францисского чудотворца. Слушая рассказ отца Георгия об этом поразительном событии, я не могла удержаться от слез.

Супруга отца Георгия, матушка Елена Куртова, – регент Серафимовского храма, правнучка полковника императорской армии, основателя Хабаровского кадетского корпуса. Прадедушка и прабабушка матушки Елены с ее тогда юной бабушкой под угрозой расстрела покинули Россию в 1922 году. Мама ее родилась в Сербии, а сама матушка – в Нью-Йорке.

Родители ее были активными прихожанами Серафимовского храма в предместье Нью-Йорка – Си-Клиффе. Папа несколько лет трудился старостой храма, мама активно участвовала в приходской жизни, сама матушка с сестрами пели на клиросе.

В ее семье в гостях бывали митрополит Филарет (Вознесенский) и протоиерей Серафим Слободской, митрополит Лавр и архиепископ Аверкий. Воспоминания матушки об этих замечательных архипастырях РПЦЗ тоже вошли в нашу книгу. Покровителем матушкиных предков был преподобный Серафим Саровский, и она сама всю жизнь чувствует теплое заступничество преподобного, достаточно сказать, что она выросла при храме Преподобного Серафима в Нью-Йорке, и сейчас, уже на протяжении 22 лет, они с отцом Георгием служат в храме Преподобного Серафима, только уже на западном побережье Америки.

У Куртовых шестеро детей и 26 внуков. Удивительно то, что даже в России я не слышала такой чистой русской речи, какую услышала в их семье. Матушка Елена сказала мне об этом так: «Я родилась в 1956 году в Америке, но чувствую себя русским человеком, а Россию считаю своей Отчиной – землей отцов и дедов. Бывает, люди переезжают в другую страну, и их дети уже почти не говорят по-русски, а внуки полностью ассимилируются: не помнят и не хотят

помнить язык предков, свою веру. Мы же, старые русские эмигранты, храним православную веру и русский язык уже в шестом поколении. Иногда меня спрашивают: трудно ли это и как можно этого достигнуть? И я отвечаю: «Да... трудно, но при желании – возможно. Было бы желание...». У нас оно есть».

Матушке Елене очень хотелось больше узнать о своих предках, которые покинули родной Хабаровск и ушли с эскадрой адмирала Старка из Владивостока в Шанхай в 1922 году. Это были ее прадедушка и прабабушка, Дмитрий Павлович и Анна Цезаревна Мартьяновы, бабушка Варвара Дмитриевна и братья бабушки: Лев, Николай, Александр. Они уехали из России вместе с Хабаровским кадетским корпусом, который вырос из домашней школы Мартьяновых в далеком 1888 году.

Мне было грустно узнать о том, какие достойные люди покинули нашу Родину, но, узнав об эвакуации кадет больше, я поняла: если бы они не уехали, то все бы погибли. Так, были расстреляны сразу или погибли позже в лагерях директор кадетского корпуса, священники-духовники и офицеры – воспитатели кадет, которые по каким-то причинам (болезнь или семейные обстоятельства) не смогли уехать вместе с корпусом. Никого из них не оставили в живых, просто потому что они были связаны с кадетским корпусом, а кадеты и юнкера стали последними рыцарями царской России, последними русскими, для которых главным в жизни был девиз «За Веру, Царя и Отечество».

Мне захотелось воссоздать для матушки и ее внуков историю ее родных, так чтобы они в далекой Америке смогли представить себе царскую Россию. Смогли увидеть старый Петербург, куда приехал учиться в знаменитое Первое Павловское училище юный кадет Дмитрий Мартьянов, увидеть элегантных и преданных России кадет, юнкеров и корнетов, услышать малиновый звон их шпор, почувствовать атмосферу той – дореволюционной Российской империи. Я начала изучать документы и статьи, связанные с Хабаровским кадетским корпусом, воспоминания кадет и офицеров военных училищ Санкт-Петербурга.

Постепенно круг моего чтения разрастался: я читала мемуары бывших кадет и юнкеров Каратеева, Гиацинтова, Мамонтова, Маркова, Павлова, Литауэра, Макарова, Сагацкого, Редена и многих других. Эти книги были недоступны в Советском Союзе. В моей юности и молодости мы читали о подвигах красных и восхищались «неуловимыми мстителями». И теперь мне очень захотелось, чтобы читатели услышали голоса воинов Белой армии – таких же русских людей, которые по меньшей мере имеют право на то, чтобы быть услышанными. Мы не ставили себе целью найти правых или виноватых – таких не бывает в гражданской войне: это всегда трагедия для всех, кто в ней участвует.

Вторая часть нашей книги начинается с 80-х годов XIX века – с приезда кадета Дмитрия Мартьянова в Петербург, в Павловское военное училище. Мы «дали слово» кадетам и юнкерам, чтобы читатели смогли почувствовать реальную жизнь реальных людей того времени. Мы обратились также к кадетскому прошлому святителя Иоанна Шанхайского, ныне почивающего мощами в соборе иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость» в Сан-Франциско, недалеко от Монтерея. В книге мы использовали чудом сохранившиеся дневники и воспоминания мамы и тети матушки Елены Куртовой.

Повествование нашей книги богато событиями и приключениями и охватывает главные катастрофы и катаклизмы XX века: Первую мировую, Гражданскую и Вторую мировую войны. Обширна и география книги: царский Петербург восьмидесятых годов XIX века, старый Хабаровск (тогда Хабаровка), Владивосток и Русский остров, Гензан и Шанхай, Белград и Крагуевац, Линц и Лиенц, Австрия, Италия, Америка.

Книга будет интересна тем, кто любит историю, тем, кто любит приключения, а также тем, кто интересуется духовной жизнью и хочет узнать новые факты из жизни подвижников благочестия XX века и великого святого нашего времени – святителя Иоанна Шанхайского.

**Молитвами святителя Иоанна Шанхайского, Сан-Францисского чудотворца,
Господи, помилуй нас!**

Часть I. Как открывали мощи святителя Иоанна Шанхайского и другие удивительные истории

Истории протоиерея Георгия Куртова, настоятеля Серафимовского храма в городе Монтерей, Калифорния

Жизнь моя сложилась трудно, но интересно: я русский, который родился в Канаде, а служит в Америке. Господь благословил мне хорошо знать выдающихся русских подвижников благочестия: митрополита Лавра (Шкурла), архиепископа Аверкия (Таушева), архиепископа Антония (Медведева) и других, а также учиться в семинарии в Джорданвилле и жить среди братии Свято-Троицкого монастыря, при котором и действует эта семинария.

Протоиерей Георгий Куртов

Мне посчастливилось служить в Богородице-Владимирском монастыре, который основала прозорливая старица-игуменья Руфина (Кокорева) – в 1925 году прямо в ее руках обновилась чудотворная Владимирская икона Божьей Матери. В годы моего служения в монастыре, руководимом ее духовной дочерью игуменьею Ариадной (Мичуриной), тоже обновлялись иконы. Но самым волнующим духовным опытом моей жизни было участие в открытии мощей великого святого нашего времени – Иоанна Шанхайского, Сан-Францисского чудотворца. Хочу поделиться с вами, дорогие читатели, своими историями.

Заслуга моих родителей

Первым делом хочу вспомнить своих родителей. Во-первых, в их судьбе отражается судьба миллионов русских людей. Во-вторых, именно они дали мне все. Воспитали в православной вере меня, моего брата и двух сестер. Благодаря родителям я стал священником, прослужил 17 лет в православном монастыре, который вывез из Шанхая святитель Иоанн, и вот уже 22 года служу в храме преподобного Серафима Саровского в городе Монтерей.

Храм преподобного Серафима Саровского в Монтерее

Хоть я и родился в Канаде, но русский язык для меня родной. У меня нет акцента, и я говорю по-русски так же, как и вы, родившиеся в России. Мои дети и внуки тоже хранят русский язык и русскую культуру. В этом заслуга моих родителей.

Папа

Мой папа, Георгий Тимофеевич Куртов, ушел из жизни, когда мне было всего пятнадцать, и сейчас мне очень жаль, что я не успел его о многом расспросить. Когда ты юный, тебе кажется, что все успеешь сделать. Да и прошлое тебя мало волнует – ведь так много интересного случается в настоящем! Все мечты, все устремления направлены вперед... А сейчас, когда я уже сам старше моего отца, мне очень хочется узнать о нем и о его жизни больше, но спросить уже не у кого. Мама тоже ушла... Нет в живых и одной из моих старших сестер.

Мой папа, Георгий Тимофеевич Куртов

Но из того, что знаю, из того, что папа иногда вспоминал под настроение, я понимаю сейчас, каким удивительным человеком он был. Как много перенес. Сумел выстоять и не сломаться в самых невероятных обстоятельствах. Он вообще не должен был выжить. Не должен был родить с моей мамой нас – четверых детей. И тогда я бы не появился на белый свет.

Первая смертельная опасность

Папа мог погибнуть неоднократно. Не знаю точно, в каком году, и спросить уже не у кого, но знаю, что папа был мальчишкой, когда его большую семью (в ней было 12 детей) раскулачили. Их отправили в теплушках в Сибирь, и когда они туда приехали, стояла зима.

Спецпереселенцы в Сибири

Спецпереселенцев, как их тогда называли, высадили в глубокий снег, и мужчины принялись рыть не то землянки, не то берлоги. В них предстояло зимовать семьям, членами которых были и старики, и грудные младенцы. Первыми погибали самые слабые, и мой папа должен был умереть вслед за младенцами и малышами.

Спецпереселенцы в Сибири

Но помирать папе не хотелось, и какое-то время спустя он придумал залезть под вагон проходящего поезда. Ему это удалось, и после нескольких перегонов он оказался вдали от гиблого места. Безбилетником проехал еще долго, пока наконец не оказался в европейской части России. Как беспризорник был пойман и отправлен в приют, а затем умудрился окончить техническое училище. Затем стал учиться дальше. Проявил блестящие способности к учебе и технике и в итоге стал легчиком и бортмехаником. Летал на маленьком самолетике-кукурузнике и перевозил почту.

Формирование груза почтового самолета

Вторая смертельная опасность

Началась война, и папа защищал Родину. Он редко рассказывал о войне вообще, как и о своих странствиях в качестве беспризорника. Видимо, ему очень тяжело было это все ворошить. Только иногда вдруг вспоминал какие-то эпизоды. А я был мальчишкой и особенно его не спрашивал.

Но сейчас вспоминаю: однажды он рассказал, как немцы бомбили аэродром, а он с каким-то стариком, может, сторожем, оказался в старом сарае и стрелял из винтовки в «штуку». Я не понимал тогда, что это за «штука», а сейчас знаю: это самый известный из немецких боевых самолетов люфтваффе, прозванный сокращенно «штука» – от «Штурцкампфлюгцойг», пикирующий бомбардировщик «Юнкерс Ю-87».

К-5 – Флагман советской авиации в тридцатые годы

И вот немец бросает бомбу и папу от силы взрыва выбрасывает наружу, и он на лету, словно в замедленном кино, видит, как на щепки разлетается сарай, как погибает сторож – от него просто ничего не осталось. Папа приходит в себя в луже – весь в грязи, полон рот грязи.

Вспоминал еще, как на его глазах снесло полчерепа бегущему человеку, и тот бежал еще метров десять уже будучи убитым. Война – страшное дело.

Папа летал на самолете, и в сентябре 1944 года его подбили. Когда он спрыгнул с парашютом, немцы стреляли, и он был ранен. Помню: на плече у папы был огромный шрам. Он снова чудом остался жив и раненым попал в плен.

Третья смертельная опасность

Папа провел девять месяцев в концлагере. Сначала военнопленных держали просто в поле, обнесенном колючей проволокой. Папа как-то вспоминал, что немцы ради развлечения кидали через проволоку замерзшую свеклу, чтобы посмотреть, как умирающие от голода люди будут драться из-за пищи.

Заклученные концентрационного лагеря в Эбензее

Позже, когда смертность среди русских военнопленных стала просто чудовищной, их уже держали в бараках. Папа с двумя другими заключенными бежал, но их поймали. Он снова чудом остался жив: немцы выстроили всех из его барака и расстреляли каждого третьего. Среди расстрелянных был папин друг, а его самого смерть снова обошла стороной.

Немецкий мальчик идет по дороге, на обочине которой лежат трупы сотен заключенных, погибших в концлагере Берген-Бельзен

Американские генералы Паттон, Брэдли, Эйзенхауэр в концлагере Ордруф у кострища, где немцами были сожжены тела узников

Лагерь освобождали американцы. Папа на момент освобождения весил 95 фунтов, это где-то 43 килограмма. Он вспоминал потом, как повар-афроамериканец смотрел на него с жалостью и спрашивал, чем его угостить, чего бы ему хотелось покушать. Папа готов был есть все что угодно, а повар как раз делал панкейки – американские блины, и папе очень захотелось этих блинчиков. Он понимал, что ему нельзя много есть, и старался вовремя остановиться, но даже то небольшое количество, что он съел, оказалось для него почти роковым. Папа едва не погиб: две недели ему было плохо, рвало, страшно болел живот.

И снова опасность

В американскую зону приезжали из НКВД, чтобы забрать советских граждан. Однако все они помнили о словах Сталина: «Среди русских солдат нет военнопленных – есть лишь дезертиры и предатели». С декабря 1941 года для проверки «бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника» были созданы фильтрационные спецлагеря, напоминавшие тюрьмы строгого режима.

Солдаты из американской 42-й пехотной дивизии у вагона с телами узников концлагеря Дахау

В феврале 1945 года на Ялтинской конференции, помимо прочих соглашений, Рузвельт и Черчилль согласились вернуть в СССР всех военнопленных и гражданских, которые были освобождены союзниками.

Американцы особенно не усердствовали. Некоторые американские офицеры сочувствовали русским военнопленным и, понимая, что их ждет, закрывали глаза на побеги из лагерей. Те, кто смог избежать выдачи НКВД, рассеивались по разным странам Европы и Америки.

Что касается англичан, то они даже переусердствовали и выдавали не только советских граждан, но и эмигрантов первой волны, которые покинули Россию во время революции и Гражданской войны и никогда не были гражданами Советского Союза. Где хитростью, где наси-

лием, выдавали всех, кто говорил по-русски, причем даже тех, кто отказывался возвращаться. (Речь, разумеется, не о военных преступниках, которых, конечно, нужно было судить.)

Освобожденные узники концлагеря Равенсбрюк

Кто-то сам хотел вернуться и верил, что на родине разберутся и не накажут, у других там оставались родители, жены, дети, дома, квартиры... Папа же был гол как сокол и одинок. К тому же он хорошо помнил Сибирь и как его близких выгружали из теплушек в снег. Он решил, что нового лагеря не выдержит. Многие из тех, кто также не желал возвращения, пережили репрессии тридцатых годов, когда ночами люди не спали в ожидании черных «воронков» – символов арестов и искалеченных судеб.

У папы были золотые руки, и сразу после освобождения он стал помогать американцам: чинил автомобили, разную технику. Как-то он чинил джип и пронеслась весть, что едет НКВД. Папа сел в этот джип и уехал, избежав выдачи. Потом вернулся.

Моя мама

Нужно сказать и о моей маме. Ее девичья фамилия – Медведева. Антонина Ивановна Медведева. Юной девушкой она была принудительно угнана в Германию вместе с другими девушками как остербайтеры – восточные рабочие. Мама знала немецкий и оказалась на сахарном заводе недалеко от Дрездена. Три года провела в плену.

Моя мама, Антонина Ивановна Куртова, урожденная Медведева

Дрезден в конце войны был переполнен беженцами: женщины и дети спасались от военных действий на Восточном фронте. В феврале 1945 года англичане так бомбили город, что образовался огненный смерч, в пламени которого погибли десятки тысяч человек, некоторые историки даже называют цифру в сто тысяч. Меморандум для английских летчиков сообщал, что одна из целей бомбежки – «показать русским, когда они придут в город, на что способны Королевские ВВС».

Мама вспоминала об этой бомбежке с ужасом. Говорила, что, хоть и находилась в нескольких километрах от Дрездена, земля буквально тряслась под ногами, словно это был конец света. Да, война – это страшное дело...

Дрезден после бомбежки

Нужно заметить, что советские репатриационные комиссии относились очень строго даже к остербайтерам, несмотря на то что многие из них ни в чем не были виноваты и были угнаны на работы в Германию в юном возрасте. В их биографии делалась отметка «был в плену». Это было как клеймо. Среди прочих строгостей фигурировал запрет на многие профессии, на проживание в крупных городах и прочее. Только потом, уже в годы «оттепели», на бывших остербайтеров и пленных стали смотреть иначе, а сразу после войны многим из них пришлось тяжело.

«Ди-пи»

Три года папа скитался по послевоенной Европе, сколько-то времени помогал американцам, затем оказался в Италии, где-то подрабатывал, как-то выживал. У него были золотые руки.

Есть такая, ныне почти забытая, аббревиатура – «ди-пи», по терминологии Лиги Наций – Displaced Persons, «перемещенные лица». После Второй мировой войны эта аббревиатура стала символом судьбы миллионов людей, сорванных со своих родных мест на громадном европейском пространстве. Так вот мои будущие папа и мама как раз и стали этими самыми «ди-пи».

В 1947 году при ООН была создана Международная организация по делам беженцев – ИРО – International Refugee Organization. Беженцы иногда в шутку называли ее «тетя Ира».

Святитель Иоанн Шанхайский

Несколько стран (США, Австралия, Аргентина, Бразилия, Парагвай, Чили, Канада и другие) в соответствии с международными обязательствами решили принять на своей территории «ди-пи». Давали квоту: мы готовы принять столько-то беженцев. Чаще всего желали принимать молодых, сильных, обязательно здоровых или тех, у кого были родственники в этой стране, которые могли поручиться, что будут материально поддерживать новоприбывших.

С 1947 по 1951 год ИРО отправила в 48 стран около миллиона «ди-пи» самых разных национальностей: украинцев, белорусов, русских, латышей и других. Среди них были и 6000 русских с филиппинского острова Тубабао, беженцы из коммунистического Китая, которые находились под духовным руководством святителя Иоанна Шанхайского.

Мой папа вытянул «лотерейный билет» и в 1948 году оказался в Канаде. Позднее вспоминал, как мучительно переносил он морскую болезнь по пути в Канаду. Приплыли в Галифакс, затем на поезде поехали в Торонто.

Русское Рассеяние

В Торонто папа познакомился с моей мамой. Мама была из семьи русских староверов, она крестилась дома двумя перстами. Молодые обвенчались в православной церкви. Я родился в 1956 году, был младшим из четверых детей.

Папа стал одним из основателей русского православного Свято-Троицкого храма в Торонто, его имя в истории храма среди основателей. Первым священником был отец Матвей Андрущенко (1899–1986). У первых русских прихожан была такая маленькая зарплата, что они не могли содержать своего батюшку, и он служил бесплатно, кормила семью его матушка, которая работала швеей. Под храм снимали помещение в одном из городских зданий.

К концу 1952 года приход насчитывал 70 семей. Решили строить свой храм и купили участок земли на месте снесенного дома. На стройке прихожане работали бесплатно: вручную

копали котлован, возводили стены из блоков, работали как столяры и плотники, сами расписывали храм. Отец Матвей вместе со своими прихожанами с утра до ночи работал топором, пилой, молотком. Такой энтузиазм был у людей, что они после основной работы каждый день, шесть дней в неделю, приходили трудиться на строительстве.

Архиепископ Виталий (Устинов) в 1959 году

Владыка Аверкий (Таушев) и чудотворная Курская-Коренная икона Божьей Матери

Вот так строились русские православные храмы на чужбине – русские беженцы возводили их во всех странах. Возможно, Господь попустил так называемое Русское Рассеяние для того, чтобы очаги православной веры зажглись и воссияли по всему земному шару? Среди этих беженцев были такие столпы веры как святитель Иоанн Шахайский, митрополит Виталий (Устинов), архиепископ Аверкий (Таушев), митрополит Лавр (Шкурла) и другие.

Как папа открывал автомобиль

У нас в доме было принято ежедневно молиться, мама и папа имели собственное молитвенное правило и нас приучали к тому же. Мы регулярно ходили в храм.

Вспомнился забавный случай, который папа рассказывал с улыбкой. Как-то зимой после службы батюшка вышел из храма, и его машина, «фольксваген», оказалась занесена снегом. Он очистил снег, но не мог открыть дверцу. Решил, что замок замерз и от этого что-то там заклинило. Позвал папу:

– Георгий Тимофеевич, помогите, пожалуйста, открыть машину!

И мой папа, мастер на все руки, открыл автомобиль. Правда, он почему-то не заводился.

Тут подъезжает снежный патруль, очищает другие занесенные машины, и оказывается, что батюшкин «фольксваген» стоит недалеко, а папа вскрыл точно такую же, только чужую машину.

Батюшка воскликнул:

– Ай-яй-яй, что мы натворили: вскрыли чужую машину!

К счастью, все обошлось. Вот такой курьез отчего-то вспомнился. Папу всегда звали на помощь, когда что-то случалось с техникой.

На чужбине

Папа, определенно, тосковал по родине... Думаю, он пережил много скорбей, в том числе связанных с чужбиной. Знаю, что позднее он много раз звонил в Россию, видимо, пытался найти близких, но у него ничего не вышло: в те годы Россия была закрыта «железным занавесом».

Помню, как стал случайным свидетелем папиной молитвы: он стоял на коленях, горячо молился, и слезы лились из его глаз.

Наша дача и русская община

Папа не очень хорошо говорил по-английски, мама еще хуже, сейчас мне стыдно, что в детстве мы подшучивали над ними – ведь наш собственный английский был безупречен. Но папа не пропал и в Канаде. Его акцент не помешал ему найти хорошую работу, он стал механиком и даже изобретателем, правда, у него украли патент...

Благодаря своим золотым рукам папа получал хорошую зарплату, выше средней. Даже купил в шестидесятые годы участок земли под дачу километрах в шестидесяти севернее Торонто, в Джексонс-Пойнте.

Прихожане храма в честь Смоленской иконы Божьей Матери

Дача находилась на берегу озера Симко – такой живописный уголок, очень похожий на Россию. Его облюбовали русские и стали покупать там участки, образовав крупную общину. Назвали эти места «Березки». Постепенно даже появились улицы с названиями Волга, Вода, Калина. Здесь звучала русская речь, иностранцам в «Березках» был не русский, а английский язык.

Мы всей семьей каждое лето туда ездили, ходили с мамой в лес за грибами, купались, вечером жарили на костре сосиски...

Храм Смоленской иконы Божьей Матери

Регулярно ходили в храм, там была такая маленькая и очень уютная церковь в честь Смоленской иконы Божьей Матери, освященная в 1962 году владыкой Виталием (Устиновым), в то время архиепископом Монреальским и Канадским. Церковь была очень красивая, с одним куполом, в псковском стиле. Потом, уже в конце восьмидесятых, на месте деревянной построили каменную церковь.

Отец Серафим (Роуз) и Джорданвилль

Когда мне было лет двенадцать, я познакомился с творениями отца Серафима (Роуза): читал журнал «Православное слово», который он с отцом Германом (Подмошенским) издавали в Платине. На меня это чтение произвело огромное впечатление.

Интересно, что отец Серафим (Роуз), когда еще даже не был православным, начинал ходить в наш храм преподобного Серафима Саровского в Монтерее.

В те годы здесь служил протоиерей Григорий Кравчина, батюшка высокой духовной жизни (он служил в нашем храме 38 лет – с 1950 по 1988 год). Отец Серафим (Роуз) вспоминал, как ему понравился отец Григорий, каким любвеобильным пастырем он был.

Джорданвилль

Потом папа возил нас с братом в Джорданвилль, в Свято-Троицкий монастырь. Этот монастырь можно по праву назвать сердцем Русской Православной Церкви Заграницей. Он расположен на севере штата Нью-Йорк, в маленьком городке, где нет ни магазинов, ни ресторанов, а только единственная дорога, библиотека и кладбище. Вокруг красивейшие места, поля, пашни. Монашеская жизнь произвела на меня сильное впечатление.

Когда папа умер, священнослужители монастыря просили привезти его фото, и моя сестра похлопотала за меня:

– Нельзя ли брату поучаствовать в молодежной программе «Летние мальчики» в Джорданвилле?

А эта программа действовала с 50-х годов: каждое лето набирали небольшую группу подростков, и они жили при монастыре, молились и трудились вместе с братией. Это была выдающаяся духовная школа для юношей. Более половины тогдашних юных участников программы получили такой духовный заряд, что служат сейчас Православной Церкви как священники, диаконы, монахи. «Летними мальчиками» в свое время были известные протоиереи РПЦЗ: отец Виктор Потапов, отец Стефан Павленко, отец Петр Перекрестов и многие другие.

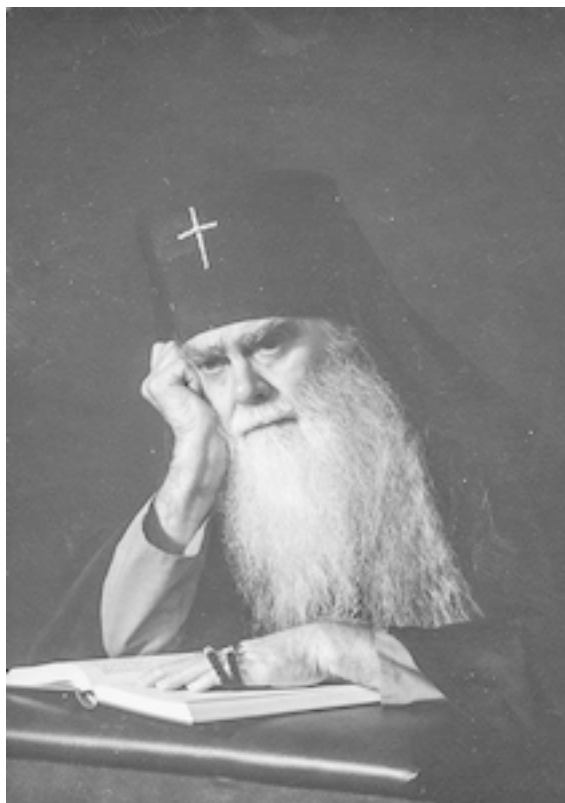
Свято-Троицкий монастырь Джорданвилль

Меня благословили принять участие в программе, и летом я поехал в монастырь. Мы вставали вместе с братией в пять-шесть утра, молились, завтракали, немного отдыхали и работали вместе с отцами на полях. Нас было немного – человек пять-шесть, такие «летние мальчики».

Мы окунулись в атмосферу монашеской жизни – молитвенную и аскетическую, очень благодатную. Видели, как отцы трудились целый день, а после трудов усердно молились. И после того, как мы пережили этот духовный опыт, безусловно, не могли остаться прежними.

Семинария в Свято-Троицком монастыре

Окончив школу, я поступил в духовную семинарию в Джорданвилле. После духовной семинарии каждый выбирает свой путь: можно принять монашеский постриг и, если тебя рукоположат, стать иеромонахом, можно быть и белым – женатым священником. Я сначала думал стать монахом. Жил, как все семинаристы, в монастыре, три года носил пояс послушника, нес послушание в столярной мастерской.

Архиепископ Аверкий (Таушев)

В те годы нашими духовными наставниками были владыка Аверкий (Таушев), владыка Лавр (Шкурла), владыка Алипий (Гаманович), архимандрит Киприан (Пыжов), которого называют «иконописец всего зарубежья», и другие.

На молитвенную память

В 1976 году отошел ко Господу архиепископ Аверкий (Таушев), в то время я как раз нес послушание в столярной мастерской, и владыка Лавр благословил меня сделать деревянную сень – такую раку для надгробия архиепископа Аверкия.

Я несколько месяцев делал, и когда все было готово, владыка Лавр поблагодарил меня и подарил мне книгу «Апостол» с дарственной надписью: «Дорогому брату-послушнику Георгию на молитвенную память». Я эту книгу бережно храню.

Молюсь за всех отцов-наставников Джорданвилля.

Как я надумал жениться

Как-то отец Киприан благословил меня серьезно изучать русский язык и литературу, и я поступил учиться дополнительно на магистерскую степень. Там я познакомился с моей будущей матушкой. Как раз учился на последнем курсе семинарии. Влюбился и сказал владыке Лавру, тогдашнему настоятелю монастыря, что больше не могу быть послушником и прошу его благословения на женитьбу. Он ответил:

– Бог благословит.

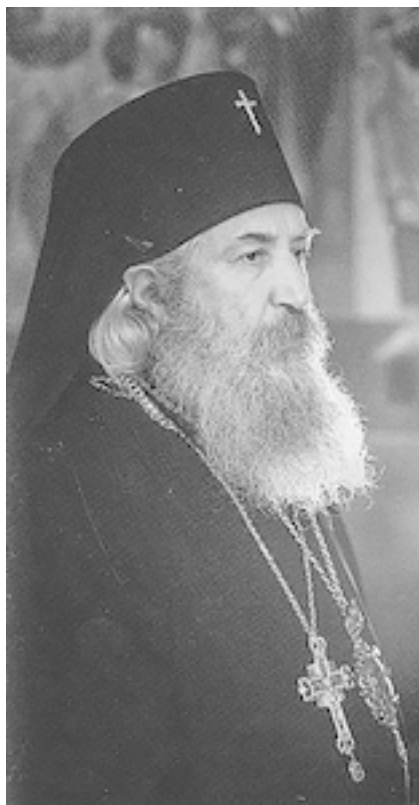
Владыка Лавр

В юности чувства пылкие бывают – и как-то я без разрешения выбрался из монастыря и отправился на свидание с невестой. Владыка Лавр узнал, вызвал меня к себе и отчитал:

– Брат Георгий, без благословения вы не можете покидать монастырь.

Владыка Лавр был очень добрым человеком. Где-то недели две спустя вызывает он меня снова к себе, в свои архиерейские покои, и говорит:

– Брат Георгий, мы тут получили стипендию от Богословского фонда на учебу в размере четырехсот долларов, вот тут подпиши, мы хотим тебе дать стипендию.

Владыка Лавр

А я совсем недавно так провинился...

Вот такой был владыка Лавр.

Диакон

В 1978 году я окончил семинарию, женился и был рукоположен в диакона. Три года служил диаконом и думал, что буду им до конца жизни. В Америке многие отцы совмещают служение со светской работой, поскольку приходы бывают небольшими и не всегда могут содержать семьи священников и диаконов. Я тоже совмещал служение диакона со светской работой.

Работал, как и мой папа, техником, мастерил деревянные макеты деталей вагонов, которые потом изготавливались из железа. Но вскоре в этой отрасли начался кризис, и меня как самого молодого уволили одним из первых.

Священник

У нас с матушкой уже были детки, и Господь нас не оставил. В 1982 году меня рукоположили в священники и пригласили служить в Богородице-Владимирский женский монастырь (Сан-Франциско) – один из первых православных монастырей Америки. Сестры основали его еще в России, затем бежали от большевиков в Харбин, а оттуда – в Шанхай.

Владыка Иоанн Шанхайский с сестрами Богородице-Владимирской обители, игуменьей Ариадной, духовенством и воспитанницами Ольгинского приюта в Шанхае

Первая игуменья, матушка Руфина (Кокорева), родилась в 1872 году и была прозорливой старицей и подвижницей. В 1925 году прямо у нее в руках обновилась Владимирская икона Божьей Матери. Матушка Руфина отошла ко Господу в Шанхае в 1937 году, заранее предсказав сестрам, что они, спасаясь теперь уже от китайских коммунистов, окажутся в Америке.

Игуменя Руфина (Кокорева)

После блаженной кончины матушки Руфины игуменьей обители стала ее духовная дочь, матушка Ариадна (Мичурина) (1900–1996). Матушка Ариадна и сестры обители прошли путь со святителем Иоанном Шанхайским из Шанхая на тропический филиппинский остров Тубабао и, наконец, в Сан-Франциско.

Вот матушка Ариадна и пригласила меня в свою обитель, где я прослужил семнадцать лет. Когда только приехал, там было около тридцати монахинь. Постепенно многих из них я похоронил, отпел...

Игуменья Ариадна (Мичурина)

Обычно белые священники служат на приходах, а когда достигнут солидного возраста, их приглашают послужить в женских монастырях. А у меня все было наоборот: начал служить в молодости с женского монастыря.

В храме преподобного Серафима

В 1998 году меня назначили настоятелем маленького храма в честь преподобного Серафима Саровского в небольшом калифорнийском городе Монтерее. Вот служу здесь уже 22 года. Моя супруга, матушка Елена, стала регентом, дети: сын Михаил и дочери Ксения, Анастасия, Елизавета, Иулиания, пока росли, пели на клиросе, а сын Георгий прислуживал в алтаре.

Отец Георгий и матушка Елена с внуками, июнь 2018

Сейчас дети уже взрослые, у них свои семьи, и у меня растут двадцать шесть внуков. Старшей – пятнадцать лет, младшему – восемь месяцев, и он сегодня был на службе в нашем храме.

У нас есть иконы, которые обновляются. Вот икона святого равноапостольного великого князя Владимира. Когда я только начинал служить, она была совершенно черная, а сейчас сильно обновилась.

Икона Пресвятой Богородицы – на облачении появились красные треугольнички

Еще обновляется икона Пресвятой Богородицы: появились красные треугольнички в одеянии.

История с крестом

Я не был лично знаком с первым настоятелем нашего храма, отцом Григорием Кравчиной, был только на его похоронах. Сначала помогал приходу: будучи мастером резьбы по дереву делал иконостас после пожара. Потом уже приехал сюда как новый настоятель храма. И вот самые первые, старые прихожане делились со мной историями о высокой духовной жизни любимого батюшки.

Одна из историй такая. Отец Григорий как-то ночью увидел во сне святого праведного Иоанна Кронштадтского, который показывал ему свой наперсный крест. Когда отец Григорий пришел утром в храм, к нему приехал ювелир. Он сказал:

– Батюшка, вы знаете, что после революции из России вывозилось множество святынь. Когда их владельцы умирали, многие святыни оказывались у таких ювелиров, как я. Не угодно ли вам приобрести вот этот наперсный крест священнослужителя?

Икона святого праведного Иоанна Кронштадтского с наперсным крестом в киоте

И он показал отцу Григорию крест – точно такой, как тот видел во сне.

Батюшка сразу же приобрел этот крест, и мы храним его вот здесь – в киоте иконы святого праведного Иоанна Кронштадтского. Я не дерзаю часто надевать этот крест. Вот, может, на Пасху надену...

История с преподобным Серафимом

Еще мне рассказывали, как в пятидесятые годы, при строительстве нашего храма, раздумывали: в честь кого его освятить. Может, в честь Пресвятой Богородицы, может, в честь святителя Николая или преподобного Серафима Саровского?

И вот отец Григорий как-то раз поехал в храм. Он жил километра за три от храма и ездил туда на велосипеде. А в тот раз знал, что церковь закрыта и там никого нет.

Приезжает и видит: в алтаре горит свет. А он точно помнит, что свет выключал. И батюшке было такое духовное видение: Царские Врата раскрыты, и в алтаре служит преподобный Серафим Саровский.

После этого храм освятили в честь преподобного Серафима Саровского.

У нас в алтаре на стене изображен образ преподобного Серафима в белых, пасхальных облачениях, хотя традиционно святого изображают в темном. Но ведь он сам так часто говорил: «Радость моя, Христос Воскресе!»

Этот образ написал мой хороший друг Владимир Красовский, иконописец и регент хора кафедрального собора в Сан-Франциско. Он учился иконописи у архимандрита Киприана (Пыжова), был его помощником и расписал много храмов, написал десятки икон.

Участие в открытии честных мощей

Самым драгоценным духовным опытом для меня было участие в открытии честных мощей святителя Иоанна Шанхайского. Интересно, что в храме, где я сейчас служу, находится одна из самых больших, если не самая большая, частица мощей святителя.

В 1993 году, спустя 27 лет после блаженной кончины святителя Иоанна, наш правящий архиерей, владыка Антоний (Медведев), возглавил обретение его мощей.

Владыка Антоний (Медведев) (1908–2000) – человек удивительной судьбы. В годы революции он был маленьким, десятилетним кадетом. С отступлением Добровольческой армии его кадетский корпус был эвакуирован в Крым, затем кадеты вместе с белыми покинули Россию. Владыка Антоний очень рано начал монашескую жизнь: в 1922 году (ему было всего 14 лет) он поступил в монастырь в Сербии, нес послушание уставщика.

Именно владыка Антоний был преемником святителя Иоанна Шанхайского в Сан-Францисской епархии, и он же стал главным вдохновителем его прославления. Он провел все подготовительные работы к прославлению и составил большую часть службы святителю.

Владыка Антоний

Под его руководством вечером 17 (30) сентября 1993 года, в день святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, мы пришли в усыпальницу святителя Иоанна. Нас было пятеро: сам владыка Антоний, протодиакон Николай Поршников, чтец Владимир Красовский, смотритель усыпальницы Борис Михайлович Троян и я. Нам нужно было провести подготовительную работу к открытию мощей: проверить, как открывается саркофаг, в каком состоянии гроб. Полагаю, что владыка Антоний взял меня, ничем не примечательного батюшку как человека, обладающего мастерскими навыками, который мог бы отвечать за техническую сторону этого святого дела.

Владыка Антоний отслужил литию, мы прочитали молитву перед началом доброго дела и приняли архипастырское благословение. Хорошо помню, с каким трепетом приступали к осмотру. Сняли тяжелую крышку саркофага весом примерно 400 фунтов (это около 200 кг) и увидели мантию святителя. Она выглядела как новая. Никакого запаха тления не чувствовалось.

Под мантией находился старый металлический гроб. Он проржавел в нескольких местах, и меня благословили изготовить новый сосновый гроб. По милости Божьей я также принимал участие в резьбе по дереву для будущей раки и сени над мощами святителя в соборе. После осмотра мы закрыли саркофаг.

Не имамы иные помощи...

Следующим этапом было само открытие честных мощей, которое произошло через десять дней, к дню памяти Харитона-исповедника. Приехал архиепископ Лавр (1928–2008), будущий митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский и будущий первоиерарх РПЦЗ. Всего в открытии святых мощей принимали участие три архиерея, семь священнослужителей, три диакона, один чтец и один мирянин.

Мы готовились к этому святому делу со страхом и трепетом. Постились, молились, причащались. После вечерни и утрени в соборе спустились в усыпальницу, по очереди читали Святое Евангелие. В девять вечера отслужили панихиду. Потом владыка Антоний сотворил земной поклон, испросил у всех прощения и призвал нас, как участников этого святого дела, быть со всеми примиренными.

Рака с мощами владыки Иоанна в соборе

Мы запели «Помилуй нас, Господи, помилуй нас» и сняли крышку саркофага. Иеромонах Петр (Лукьянов), приехавший из Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилль), ныне архиепи-

скоп Чикагский и Средне-Американский, достал ключ, который он хранил 27 лет после блаженной кончины святителя Иоанна. Нужно заметить, что отец Петр родился в семье, которая приехала вместе со святителем из Шанхая. При святителе Иоанне он был алтарником и прислужником, сопровождал его в поездках.

Отец Петр попытался открыть гроб, но замок заржавел и не поддавался. Я попытался разобрать с проржавевшим замком, и он начал крошиться в моих руках. Но когда я пытался с ним справиться, крышка гроба немного открылась.

Святитель Иоанн Шанхайский

Тогда владыка Антоний остановил нас – не хотел совершать это святое дело насильно. Он стал молиться Пресвятой Богородице и зашел:

«Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Владычице, Ты нам помози, на Тебе надеемся и Тобою хвалимся, Твои бо есмы раби, да не постыдимся».

Тогда крышка гроба полностью открылась.

Самый драгоценный духовный опыт

Мы стояли как вкопанные в полной тишине и боялись дышать. Владыка Антоний прочитал 50-й псалом, поднял воздух, и мы с трепетом увидели нетленный лик святителя Иоанна Шанхайского, Сан-Францисского чудотворца.

Мы чувствовали неизъяснимую радость. Когда святителя приподняли, чтобы переоблечь, я стоял как раз напротив – и увидел, как на его устах появилась улыбка. Я это редко рассказываю. Может, даже в первый раз. Вспоминаю сейчас – и заново переживаю тот трепет, то умиление и глубокое благоговение, которые тогда испытал. Удивительный мир помыслов. Покой всех душевных сил. Радость духовную.

Очень остро тогда почувствовал: то, что говорит Церковь через уста наших праведников, – это все истина. Загробная жизнь действительно существует! Церковь на земле – воинствующая, а Церковь на небесах – торжествующая! Мы здесь, на земле, воины, боремся за духовную истину, а все, что нас окружает, это житейское море...

Прославление святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского чудотворца

Затем мы очистили саркофаг и святые мощи от ржавой пыли и земли, насыпанной в гроб прощавшимися с владыкой людьми 27 лет назад, в конце отпевания. Осторожно переложили святые мощи в новый гроб. Нам всем хотелось просто стоять в усыпальнице, молиться – и больше ничего не делать и никуда не уходить – такой высокий момент явного присутствия благодати Божьей. Затем мы поставили новый гроб со святыми мощами в гробницу, пропели тропарь святителю, послужили литию и были помазаны маслом от неугасимой лампы.

И наконец мы разошлись, благодаря Господа за оказанную нам милость и сознавая: мы только что пережили, возможно, самый драгоценный, самый волнующий духовный опыт в нашей жизни.

Часть II. История одной семьи в эпоху перемен, или Не падайте духом, поручик Голицын!

Об «Истории одной семьи в эпоху перемен»

Мы хотим поделиться с вами, дорогие читатели, историей одной семьи. Эта семья – родные матушки Елены Куртовой: прадедушка Дмитрий Павлович Мартьянов, прабабушка Анна Цезаревна и их дети – тогда еще совсем юная бабушка Варвара Дмитриевна (Вава, Вавуся) и ее братья Лев, Николай, Александр (Шура).

Наша история начинается с приезда в 1882 году прадедушки, семнадцатилетнего псковского кадета Дмитрия Мартьянова, в столичный Петербург – для поступления в знаменитое Первое Павловское юнкерское училище. Мы посвятили много страниц описанию быта, обычаев, традиций кадет и юнкеров – последних рыцарей Российской империи, «дали слово» реальным кадетам и юнкерам того времени. Эта та информация, которую невозможно найти в учебниках.

С кадетами и юнкерами была тесно связана вся жизнь Мартьяновых. Прадедушка и дедушка матушки Елены Куртовой были кадетами, потом юнкерами. Кадетами, а потом юнкерами были братья бабушки: Лев, Коля, Шура. Кадетом был святитель Иоанн Шанхайский, Сан-Францисский чудотворец, в открытии мощей которого участвовал протоиерей Георгий Куртов. Наконец, прадедушка и прабабушка матушки Елены стали основателями и преподавателями кадетского корпуса в Хабаровске, тесно связав с кадетами всю свою жизнь – с юности и до самой смерти.

Нам хотелось, чтобы вы, наши читатели, представили себе этих кадет и юнкеров – русских мальчиков, последних защитников «Веры, Царя и Отечества» – реальными людьми. Узнали,

как они учились, что ели на завтрак, как одевались, что любили, как учились одному из главных умений того времени – верховой езде... Чтобы вы поняли, почему они вступали в Добровольческую армию, когда взрослые и упитанные дяди отсиживались за их юными спинами. Чтобы из книжных героев эти мальчишки и юноши стали для вас живыми людьми со своими слабостями и недостатками. Чтобы вы могли улыбнуться истории одного из них, за непослушание так часто попадавшего в карцер, что там появилась надпись: «Здесь жил корнет Козлов»...

В жизни прадедушки Дмитрия Павловича Мартьянова было множество радостных и печальных событий: увлекательная учеба, переезд из Петербурга на Дальний Восток – в селение Хабаровка, из которого много позже вырос город Хабаровск. Женитьба и рождение детей Мартьяновых происходило во времена глобальных перемен в жизни России: Первая мировая, Гражданская... Мартьяновы прошли путь из Хабаровска на остров Русский, затем через корейский Гензан в экзотический Шанхай, потом в братскую Сербию. Вавуся (бабушка Варвара Дмитриевна) и ее братья Лев, Коля, Шура стали свидетелями страшной Второй мировой... В Сербии родилась мама матушки Елены Куртовой, Марианна (Мира), – ребенок войны, на чьих глазах происходила трагедия Лиенца...

Как бабушка училась готовить у китайца

Бабушка матушки Елены Куртовой была дочерью царского офицера и женой царского офицера. Так что матушка Елена – внучка и правнучка офицеров Российской императорской армии. Бабушка, Варвара Дмитриевна, родилась в 1898 году в Хабаровске, в семье полковника Дмитрия Павловича Мартьянова. Кроме дочери, у Мартьяновых росли трое сыновей и воспитанница – девочка по имени Августа. У Мартьяновых жили также няня с дочкой и денщик – к ним относились, как к родным людям.

Мартьяновы с няней (в платке) и дочкой няни (слева)

Почти членом семьи был и повар-китаец, который восхитительно готовил. Он учил готовить бабушку, тогда юную девушку, и приговаривал:

– Твоя мама – жена офицера. А ты, может, и не будешь женой офицера, и тебе придется готовить самой. Так что учись!

Как в воду глядел. Шел 1915 год, и бабушке было семнадцать лет. Ей пришлось в своей жизни не только готовить самой, но и многое другое делать своими руками. Она была невысокого роста, но очень смелая, энергичная, не гнушалась никаким трудом.

Прабабушка Анна Цезаревна и прадед Дмитрий Павлович Мартьяновы

Матушка Елена вспоминала позднее, как ее бабушка лепила пельмени, стряпала пирожки – все у нее получалось очень вкусное, пальчики оближешь! Не зря китаец старался.

У прадедушки, Дмитрия Павловича Мартьянова, была удивительная судьба, в которой отразились все катастрофы и катаклизмы последних десятилетий великой Российской империи.

Псковский кадетский корпус. Вступительные экзамены

Дмитрий Павлович Мартьянов родился в 1864 году и учился в Псковском кадетском корпусе. Туда принимали десятилетних сыновей дворян, офицеров, чиновников. Учились мальчишки семь лет, так что выходили 17-летними юношами в юнкерские училища и становились кадровыми офицерами – защитниками Российской империи.

О том, как поступали в кадетский корпус, с мягким юмором писал бывший кадет Анатолий Львович Марков:

«Экзамены, начавшиеся на другой день после нашего приезда, оказались труднее, чем предполагалось, так как я поступал в пятый класс, где требовалось много математики, с которой у меня была вражда с юных лет. На экзамене Закона Божьего батюшка, видный и важный

протоиерей, осведомился, не являюсь ли я родственником писателя Евгения Маркова. Узнав, что я его внук, батюшка сообщил, что он хорошо знал покойного деда, очень его любил и уважал.

Первые три дня экзаменов прошли благополучно, и только на четвертый я неожиданно наскочил на подводный камень. Случилось это на испытании по естественной истории, предмету, везде и всегда считающемуся легким и второстепенным. Так об этом предмете полагали и мы с моим домашним учителем, Иваном Григорьевичем, почему и не обратили на естественную историю достаточного внимания. Конец учебника по этому предмету я даже не дочитал, как раз в том месте, где дело шло о навозном жуке. Этот проклятый жук чуть не испортил всего дела! Спрошенный о строении его крыльев, я стал в тупик и ничего ответить по этому интересному вопросу не смог.

Преподаватель, заслуженный тайный советник, вошел в мое положение и не захотел резать мальчишку, благополучно прошедшего уже по всем предметам экзаменационные Сциллы и Харибды, поэтому назначил мне переэкзаменовку после обеда. Нечего и говорить, что я сумел воспользоваться этой передышкой и после обеда сдал экзамен без запинки.

Выдержав экзамены по учебным предметам, я был подвергнут медицинскому обследованию... В результате медицинского осмотра была забракована целая куча детишек, уже выдержавших экзамены, под аккомпанемент рева мамаш и сыновей. Зато когда в коридоре выстроили шеренгой всех прошедших осмотр и экзамены, на них было приятно посмотреть. Это были поголовно румяные и крепкие, как орех, младенцы, годные, без всякого сомнения, вынести нелегкую кадетскую жизнь».

Распорядок дня в корпусе

Кадет как будущих военных готовили не к тихой и сладкой, а к бурной и разносторонней жизни военной среды и к войне. Как жил и учился прадедушка в кадетском корпусе, можно легко и живо представить себе из воспоминаний Анатолия Маркова:

«В шесть часов без четверти на чугунной площадке лестницы, сперва в среднем, а потом в верхнем этаже появлялся неотвратимый, как смерть, сигнальщик-солдат, и оглушительный звук “первой повестки” наполнял гулким эхом пустые коридоры и спящие спальни. Дежурные воспитатели и кадеты вставали и одевались по этому сигналу. Ровно в шесть утра “по второй повестке” они приступали к своим утренним обязанностям будить и поднимать на ноги роты.

Трудно себе представить непосвященному человеку тот грохот или рев, который производит утром барабанщик или трубач среди пустых и гулких коридоров своей “первой повесткой”. Впервые, когда утром я услышал это в чутком утреннем сне, я в страшном испуге чуть не упал с кровати, будучи уверен, что произошло землетрясение и все кругом меня рушится. К изумлению своему, придя в себя, я увидел, что в огромной полуосвещенной спальне ни один из двухсот спящих кадет даже не пошевелинулся. Впоследствии я сам так привык к звукам барабана и трубы по утрам, что продолжал безмятежно спать и после второй повестки, ничего не слыша.

Встать, одеться и умыться кадетам полагалось в полчаса, после чего по новому сигналу “сбор” рота выстраивалась в коридоре для следования в столовую на утренний чай... Во всех ротах лучшие по успехам и строю кадеты каждого отделения назначались старшими и выполняли в строю обязанности унтер-офицеров, лучший из них назначался ротным фельдфебелем...

Поздоровавшись с ротой, офицер командовал “на молитву”, и рота хором пела молитву “Отче наш”, после чего следовала в строю в столовую пить чай. В столовой деревянные столы были рассчитаны каждый на 12 человек, и на них на белых скатертях уже были приготовлены белые глиняные кружки с вензелем корпуса, булки и большие медные чайники со сладким

чаем. Первый от входа стол занимался самыми высокими по росту кадетами первой роты, а за хозяина на нем во главе стола садился фельдфебель...

Выпив свою чашку чая размером в два стакана и съев по булке, кадеты тем же порядком возвращались в ротные помещения, после чего полагалась обязательная получасовая прогулка для двух младших рот в их ротных садах, для двух старших на плацу. Кадетам трех старших рот полагалось, какая бы ни была погода, летом выходить на прогулку в рубашках, зимой в одних мундирчиках. Эта закалка ребят была прекрасным и необходимым средством для воспитания командного состава армии, которому предстояла служба в суровых условиях русского климата.

Надо сказать правду, кадетские корпуса моего времени давали своим воспитанникам прекрасное как нравственное, так и физическое воспитание, готовя для армии контингенты здоровых духом и телом офицеров-кадровиков.

После утренней прогулки кадеты садились за приготовление уроков в классах – это время называлось на языке корпуса “утренними занятиями”. С половины десятого и до полудня шли уроки, затем следовал завтрак, состоявший из одного блюда и чая с булкой, получасовое гуляние на большой перемене и снова уроки до четырех часов пополудни. В четыре часа и пять минут корпус поротно шел к обеду. Заняв свои места за столами, кадеты по команде дежурного ротного командира пели “На Тя, Господи, уповаем”.

Когда под сводами столовой замирали последние перекаты голосов, барабанщик, стоявший под большим образом, разом ударял палочками в барабан, все садились, и говор и звон посуды наполняли столовую. Дежурные офицеры каждой роты обедали за маленькими столиками около своих рот. На обед полагалось по три блюда: борщ или суп, мясное и сладкое пирожное из собственной корпусной кондитерской.

Кормили в корпусах моего времени прекрасно и очень сытно. Помню, что в первое время, несмотря на хороший аппетит, я был не в состоянии съесть свою порцию и одолеть огромную кружку чая. Впоследствии, войдя в здоровую кадетскую жизнь, наполненную всякими физическими упражнениями, я не только съедал все без остатка, но и часто требовал “добавки”, что разрешалось в старших классах.

После обеда полагалась двухчасовая прогулка, с которой кадеты могли возвращаться в помещение роты произвольно, и вообще между 4 и 6 часами каждый мог заниматься тем, чем ему вздумается, на плацу или в роте. Какого только рева, крика и рычания не несло из ротных помещений в это время. Визг, вопли и возня четырехсот малышей в среднем этаже и музыкальная какофония во вкусе персидского марша в верхнем покрывали все остальные звуки.

В старших классах постоянно процветало увлечение духовой музыкой, и в каждом классе человек по пяти упражнялись в свободное время кто на кларнете, кто на валторне, а кто, как слон, ревел на басы. Не были, конечно, забыты и барабаны, как большой, так и маленький. Можно себе представить при этом качество и свирепое разнообразие звуков, наполнявших роты!

К шести часам звуки постепенно замолкали, и все усаживались за приготовление уроков, что в отличие от утренних занятий называлось занятиями “вечерними”. До восьми часов вечера в классах разговаривать не разрешалось, для чего в каждом присутствовал отделенный офицер-воспитатель.

В восемь часов вечера роты обычным порядком спускались в столовую к ужину, состоящему из одного блюда, булки и неизменного чая. В девять часов в младших ротах и в десять в строевой полагалось находиться в постелях, имея платье и белье аккуратно сложенным на тумбочках в ногах каждой кровати».

Первое Павловское

В 1882 году Дмитрий Мартьянов окончил кадетский корпус. За год до этого был зверски убит террористом государь император Александр II Освободитель и на престол вступил его сын, император Александр III.

Государь император Александр II с детьми

Выпуск прадеда состоял из тридцати восьми кадет, и почти все они поступили в знаменитые военные училища Российской империи: семнадцать человек – в Константиновское, четверо – в Михайловское артиллерийское, четверо – в Павловское, остальные – в Николаевское кавалерийское и прочие.

Юный Дмитрий Мартьянов, один из лучших кадет своего выпуска, поступил в Первое Павловское военное училище в Санкт-Петербурге.

Кто такие «павлоны», «михайлоны» и «констапуны»?

Бывший кадет и юнкер Анатолий Марков вспоминал о своей кадетской юности так: «Нигде в России чувство товарищеской спайки так не культивировалось и не ценилось, как в старых кадетских корпусах, где оно достигало примеров воистину героических. Суворовский завет “Сам погибай, а товарища выручай” впивывался в кадетскую плоть и кровь крепко и навсегда».

Но юность есть юность, и юнкера разных училищ в шутку соперничали между собой и давали друг другу прозвища по названию училищ: «михайлоны» (или «михайловны»), «констапуны», «павлоны»...

Бывший юнкер Виктор Ларионов вспоминал о соперничестве константиновцев и михайловцев:

«По существу, и те и другие – бывшие кадеты, часто одноклассники и товарищи, и “вражда” носила лишь внешний характер, вызванный традиционным соревнованием двух отличных артиллерийских училищ. Обвиняли друг друга в непонятных для постороннего человека вещах. Например, в Константиновском училище не воспрещалось ругаться, в Михайловском ругань, по традиции, не допускалась. Константиновцы издевались над “приторной вежливостью” михайловцев, которые отвечали песенкой-“журавлем”:

Кто невежлив, глуп и туп —
Это юнкер-констапуп...

Оба училища обвиняли друг друга в пристрастии к пехоте. Константиновцы дразнили михайловцев, что те слишком усердно занимались пешим строем, что у константиновцев возбранялось...».

Юнкер-Павловец

Первое военное Павловское училище, старейшее в Петербурге, считалось «первейшим из первейших» и самым престижным, но юнкера других училищ с этим утверждением, разумеется, были не согласны. Павловцы носили прозвище «павлоны» и сами пользовались этим прозвищем.

«За славу Родины всей грудью постоим!»

«Павлоны», к которым принадлежал прадедушка, были лучшими строевиками в Российской императорской армии, отличались высочайшей дисциплиной и вследствие этого стойко-

стью в бою. Шефами училища были императоры, начиная с Александра II и заканчивая Николаем II.

Анатолий Марков в своей книге «Кадеты и юнкера» писал: «Павловское военное училище имело свое собственное, ему одному присущее лицо и свой особый дух. Здесь словно царил дух сурового Императора, давшего ему свое имя. Чувствовалось во всем, что это действительно та военная школа, откуда выходили лучшие строевики нашей славной армии».

Свою стойкость павловцы доказывали не раз: так, весь выпуск 1877 года был отправлен в стрелковую бригаду, получившую во время Русско-турецкой войны прозвище Железная за стойкость и мужество.

Военный марш павловцев начинался так:

Под знамя Павловцев мы дружно поспешим,
За славу Родины всей грудью постоим!
Мы смело на врага,
За русского царя,
На смерть пойдем вперед,
Своей жизни не щадя!
Рвется в бой славных Павловцев душа...

К началу Первой мировой четверть состава офицеров Генерального штаба состояла из бывших «павлонов». Во время войны и «павлоны», и «михайловны», и «констапупы» сражались плечом к плечу за Родину.

Костенко Александр Степанович, подпоручик. Погиб в бою в 1915 году

В начале войны, по свидетельству бывшего константиновца Эраста Николаевича Гиацинтова, у молодых юнкеров было «восторженное настроение. Мы все рвались на фронт как можно скорей для того, чтобы положить свою жизнь за нашего Царя и за наше Отечество. Многим,

к сожалению, это удалось. Около 50% моих сверстников по училищу были убиты или тяжело ранены и умерли от ран».

Получать плохие оценки считалось неприличным

Но пока идет всего лишь 1882 год, и юный Дмитрий Мартьянов поступил в Павловское училище, приехав из Пскова в столичный Петербург.

Учиться ему предстоит два года, и в программе обучения множество предметов: военная история, артиллерия, фортификация, военная топография, законоведение, военная администрация, Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, механика и химия. В неделю – двадцать семь уроков, каждый из которых длится 50 минут. На лето все «павлоны» выходят на учения в лагеря в Красное Село.

Царская Россия. Санкт-Петербург

Каждый юнкер должен владеть как минимум двумя иностранными языками: хотя бы на одном изъясняться свободно, на другом читать и переводить. Оценки ставятся по 12-бальной системе от «весьма дурно» до «отлично». Эта система позволяет оценивать множество «оттенков» и глубину знаний. У «павлонов» получать плохие оценки считалось неприличным.

Преподаватели в Павловском – вольнонаемные, и училище щедро платит за их лекции. Это позволяет приглашать первоклассных специалистов: офицеров Генштаба, артиллеристов, окончивших Академию, высококвалифицированных инженеров и профессоров университета.

«Отлично вымуштрованный юнкер»

О забавном случае на уроке, когда к доске был вызван самый слабый по успеваемости, рассказывал писатель и мемуарист, бывший юнкер Николаевского кавалерийского училища, ротмистр Владимир Литгауэр:

«Как-то на уроке по артиллерии произошел такой случай. Во время урока в класс вошел начальник школы, генерал Миллер. В это время у доски стоял юнкер, который не мог ответить на простой вопрос. Преподаватель, полковник артиллерии, увидев генерала, пришел в сильное волнение. Если бы он тут же отправил юнкера на место, это было бы подозрительно; что ему оставалось делать? Преподаватель мгновенно сориентировался и объяснил генералу:

– Я уже выслушал ответ юнкера, но, перед тем как отпустить его, хочу задать ему главный вопрос.

Генерал Миллер одобрительно кивнул, а преподаватель мучительно пытался придумать вопрос, на который юнкер смог бы ответить. Наконец он спросил:

– Можно ли из орудия поразить цель, если она не видна?

Царская Россия. В половодье. Нижний Новгород

Вопрос заставил юнкера задуматься, хотя любому известно, как происходит стрельба из артиллерийских орудий.

Итак, после нескольких минут мучительных раздумий юнкер вытянулся и бодро ответил:

– Если отдан приказ, то можно.

Генерал Миллер, сам выпускник Николаевского кавалерийского училища, очень довольный ответом курсанта, громко прошептал побледневшему от гнева полковнику: «Отлично вымуштрованный юнкер»».

Один день из жизни юнкера

В 1882 году здание Павловского училища располагалось на Васильевском острове. Электричества еще не было, и каждый вечер старый ламповщик со своей лесенкой бегал по ротам и зажигал большие медные керосиновые лампы. В холодное время топили большие печи.

Жизнь в корпусе 17-летних юношей ожидала довольно суровая: юнкера вставали в шесть утра по сигналу дежурного. В спальнях температура была градусов десять: считалось, что спать нужно в прохладе. После пробудки бежали в умывальник, где должны были мыться до пояса холодной водой.

Владимир Литтауэр описывал типичный юнкерский быт так: «В спальне с высокими потолками в два ряда стояли койки. Высокий металлический штырь, вделанный в изголовье каждой койки, предназначался для сабли и фуражки; на стоявший в ногах койки табурет ежевечерне аккуратно складывалась одежда. У стены под углом в сорок пять градусов поднималась до потолка лестница, на которой мы по утрам перед завтраком должны были выполнять обязательное упражнение: подниматься до потолка и спускаться с помощью рук.

Вдоль другой стены тянулся длинный ряд составленных в козлы винтовок. В туалетных комнатах не было ванн или душа, только тазы. Раз в неделю нас водили в русскую баню, которая располагалась в отдельно стоящем здании на заднем дворе».

Прадедушка, тогда юный Дмитрий Мартыанов, навывкший к строгим порядкам псковского кадетского корпуса, быстро привык и к новой жизни. После утреннего туалета каждую роту юнкеров выстраивал фельдфебель, все пели короткую молитву и строем шли в столовую пить чай. Из столовой отправлялись в классы.

Лекции (с восьми утра до половины первого) казались прадедушке чрезвычайно интересными, а завтрак, на который также шли строем, необычно сытным и вкусным. К тому же он был гораздо разнообразнее псковского. Каждый день кто-то из старшего курса назначался дежурным по кухне и следил, чтобы правильно была использована вся положенная по раскладке провизия (этим предотвращалось и расхищение продуктов).

Нравилось Дмитрию и заниматься после завтрака гимнастикой, фехтованием, даже строевые занятия и устав не представляли для него особой трудности. Было приятно переодеться в мундир и высокие сапоги и, как взрослому, отправиться на большой училищный плац или в манеж.

Царская Россия. Белуга в магазине Бобкова на Балчуге

Павловцы помнили заветы основателя училища – знатока плацпарадной науки императора Павла и с воодушевлением занимались строевым шагом, так, чтобы ступня ноги, двигаясь все время параллельно земле, выносилась на аршин вперед. Гордились павловцы и молодецкой стойкой, и лихими ружейными приемами.

Старшие курсы в этих приемах достигали предельной ловкости и чистоты, часто практикуясь в роте перед зеркалом в свободное время и не будучи никем к тому понуждаемы. Младшие же курсы, и Дмитрий в том числе, конечно, брали пример со старших.

Во время занятий на плацу и при увольнении при температуре выше плюс десяти юнкера должны были находиться без шинелей, от плюс пяти до плюс десяти шинели накидывались, ниже плюс пяти – надевались в рукава. Надеть теплую бекешу и шерстяные перчатки можно было, только если температура опускалась ниже минус десяти. Так юнкера закалялись и готовились к тяготам воинской службы.

В пять вечера возвращались в роту, переодевались и шли на обед. После шести полагалось свободное время, но нужно было еще подготовиться к занятиям на следующий день. Дмитрий очень любил ходить в библиотеку, сидеть в читальне, листая книги или просматривая свежие газеты и журналы. Молодой аппетит разыгрывался после строевых занятий на воздухе, и юнкера часто заглядывали в чайную, где совсем недорого покупали горячий чай и свежие булочки, печенье и прочие сладости.

«Здесь жил корнет Козлов»

Владимир Литгауэр писал еще о быте военного училища:

«Для совершивших серьезный проступок существовала гауптвахта, которая состояла из нескольких маленьких клетушек, в каждой из которых стояла койка, стол и стул; под потолком лампочка без абажура. Койкой служила деревянная полка, прикрепленная к стене. На ней не было ни матраца, ни одеяла. В качестве подушки арестованный использовал мундир, а одеялом служила шинель. Стены камеры постепенно покрывались именами и высказываниями прежних обитателей. Одна из надписей гласила: “Здесь жил корнет Козлов”.

Обычно юнкера находились под арестом только день или два. Они посещали классные занятия, но ели, спали и выполняли домашние задания на гауптвахте. Дежурный юнкер выводил арестованного из камеры и после занятий возвращал его обратно».

«Отдавать честь, становиться во фронт и знать родственников Царя»

В увольнение, или так называемый отпуск, ходили по воскресеньям и по праздникам. За провинности увольнений лишали.

Эраст Николаевич Гиацинтов, бывший юнкер Константиновского артиллерийского училища, вспоминал, что поступивший в училище, «не пользовался правом выходить на улицу до тех пор, пока не сдал экзамены – отдавать честь, становиться во фронт перед генералами и должен был знать наизусть всех родственников Царя, то есть, так сказать, весь императорский дом. И только сдав эти экзамены, можно было надеть форму и выходить на улицу».

Мария Федоровна с маленьким Николаем

Бывший юнкер-павловец Юрий Владимирович Макаров (он окончил Павловское училище на несколько лет позднее моего прадедушки) писал: «Дежурный по училищу офицер отпускал юнкеров в определенные часы: в два, в четыре и в шесть. К этому часу со всех четырех рот на площадку перед зеркалом собирались группы юнкеров, одетых, вымытых и вычищенных так, что лучше нельзя.

Александр III с Марией Федоровной и старшими детьми

Все, что было на юнкере медного, – герб на шапке, бляха на поясе, вензеля на погонах, пуговицы – все было начищено толченым кирпичом и блестело ослепительно. На шинели – ни пушинки, и все складки расправлены и уложены. Перчатки белее снега. Сапоги сияли. Башлык, если дело было зимою, сзади не торчал колом, а плотно прилегал к спине, спереди же лежал крест-накрест, правая лопасть сверху, и обе вылезали из-под пояса ровнехонько на два пальца, не больше и не меньше. В таком великолепии собирались юнкера перед зеркалом, оглядывая себя и друг друга и всегда еще находя что-нибудь разгладить, подтянуть или выправить».

Про «облик морале» с юмором

Юнкера считались нижними чинами и в увольнении не имели права посещать рестораны, в поезде не имели права ездить во втором и первом классе, а должны были ехать только в третьем.

Владимир Литтауэр с юмором вспоминал:

«Юнкерам запрещалось ходить на оперетты и комедии, в гостиницы и рестораны. Единственный раз перед окончанием школы я приехал из лагеря в город, чтобы вместе с матерью немного пройтись по магазинам.

– Я устала, – сказала мама, когда мы сделали покупки. – Давай сходим позавтракать в «Медведь».

– Меня не впустят.

– Какая ерунда, – ответила мама, не признававшая никаких ограничений. – Через несколько дней ты станешь офицером, и, кроме того, я твоя мать.

Нас, конечно, не пустили в ресторан, и особое подозрение вызвало желание моей очень молодо выглядевшей матери снять отдельный кабинет.

Школа очень заботилась о нашем моральном облике».

Господа юнкера

Однако кое-какие права у юнкеров по сравнению с маленькими кадетами уже появились. Исчезло обращение на «ты», появились «вы» и «господа юнкера».

Павловец Юрий Владимирович Макаров вспоминал: «Вообще, чем хорошо было Училище, это тем, что за нами, первый раз после семи лет, признавали права, правда, небольшие, права нижнего чина, но все же права. На несправедливости и грубости можно было жаловаться. Помню, раз уже на старшем курсе, на уроке верховой езды, идя в смене первым номером, я нарочно пошел полной рысью, заставляя всю смену скакать за мной галопом.

Наш инструктор, лихой штабс-ротмистр Гудима, несколько раз мне кричал: “Первый номер, короче повод!”, наконец, потерял терпение, огрел меня бичом по ноге и выругался непечатно. На удар бичом нельзя было обидеться. Тот, кто гоняет смену, всегда мог сказать, что хотел ударить по лошади, но на ругань я обозлился и, выйдя из манежа, принес официальную жалобу батальонному командиру. Конец был такой. За шалости на уроке верховой езды меня посадили на двое суток, но на следующем уроке, в присутствии всей смены, Гудима передо мной извинился».

Верховая езда

Кони в жизни тогдашних юнкеров занимали очень большое место, хоть и близился «железный» XX век. На верховую езду обращали особое внимание в кавалерийских училищах, но и юнкера пехотных, и даже артиллерийских училищ должны были стать отличными наездниками (все артиллерийские орудия перевозились на лошадях).

Царская Россия. Неизвестный офицер

Поручик Сергей Мамонтов, бывший юнкер Константиновского артиллерийского училища, вспоминал:

«Вначале обучение происходит на громадных и грубых упряжных лошадях, и это оказалось очень хорошо. После обучения на этих мастодонтах строевые лошади были для нас игрушками.

– Кто умеет ездить верхом – три шага вперед – говорит Жагмен.

Царская Россия. Неизвестный офицер

Некоторые юнкера из вольноопределяющихся, побывавшие уже в батареях, выступили вперед. Остальные из студентов. Я был уверен, что умею ездить, и, преодолевая застенчивость, шагнул вперед. Мне думалось, что нас поставят в пример другим и дадут шпоры, которые мы еще не имели права носить.

Но Жагмен взглянул на нас со скукой, повернулся к унтер-офицеру и сказал:

– Этим вы дадите худших лошадей и поставите в конце колонны. Их будет трудней всего переучить.

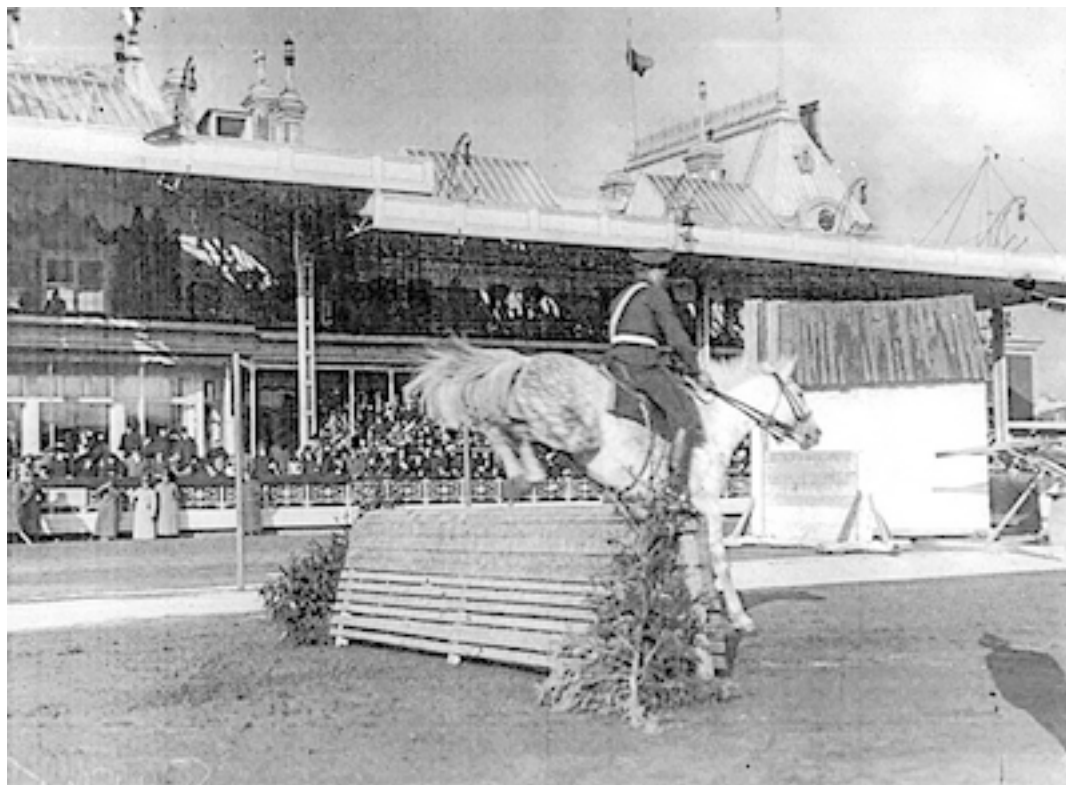
Все мое вдохновение слетело, и, шлепаясь на строевой рыси, без стремян, на грубейшем мастодонте, я понял, что ездить не умею.

Походы и кони

Долгие месяцы обучение состояло в ненавистой строевой рыси без стремян. Нужно научиться держаться коленями и не отделяться от седла, придав корпусу гибкость. После езды ноги были колесом, и старшие юнкера трунили над нашей походкой. Но постепенно мы привыкли и даже могли без стремян ездить облегченной рысью. Мы стали чувствовать себя “дома” в седле и мечтали о галопе и препятствиях. Но Жагмен упорно продолжал строевую рысь без стремян. Только позднее я оценил его превосходную систему.

Когда впервые он скомандовал: “Галопом ма-а-рш!” (исполнительная команда растягивается, чтобы лошадь имела время переменить аллюр), поднялся невообразимый кавардак. Только немногие всадники продолжали идти вдоль стены манежа. Большинство же юнкеров потеряли управление лошадьми и скакали во всех направлениях. Жагмен посреди манежа защищал свою жизнь, раздавая длинным бичом удары по лошадям и по юнкерам.

На ипподроме Красного Села

Я шел галопом вдоль стены, когда юнкер Венцель на громадном коне врезался перпендикулярно в моего коня и отбросил нас на стенку. Стукнувшись о стену, я снова попал в седло и был удивлен, что это столкновение не причинило никакого вреда ни мне, ни моей лошади. Вообще не припомню в нашем отделении несчастных случаев за все время обучения».

«Цуканье»

В военных училищах бывали и неуставные отношения, которые мы сейчас назвали бы «дедовщиной», но они имели оттенок того рыцарского времени, когда слова «честь» и «благородство» значили очень много.

Павловец Макаров писал: «В кавалерийских училищах, особенно в Николаевском, существовало “цуканье”, то есть совершенно незаконная власть юнкеров старшего курса над юнкерами младшего... В умном Павловском училище ничего этого не водилось. Кроме законного уважения младшего к старшему, отношения были строго уставные. Фельдфебель или взводный мог вам сделать замечание и мог приказать доложить об этом вашему курсовому офицеру. Но все такие выговоры и замечания делались в серьезной и корректной форме и всегда были заслужены».

Сергей Мамонтов о «цуканье» в Константиновском училище вспоминал следующее: «Цука у нас почти не было, хоть мы относились с почтением к старшим юнкерам. Когда мы стали старшими, то я раз цукнул молодого юнкера, не уступившего места в трамвае раненому офицеру».

Цук в «Славной школе»

В некоторых военных училищах, например в Николаевском кавалерийском, как писал павловец Макаров, цук процветал, но на то были свои причины. Об этих причинах хорошо рассказывал воспитанник этого знаменитого училища Анатолий Львович Марков. Он вспоминал:

«Всем старым кавалеристам дороги и памятливы времена их юнкерской жизни, и нет ни одного из них, который не вспоминал с грустью и благодарностью свое пребывание в “Славной школе”. Этим гордым именем называлось в кавалерии и всей русской армии Николаевское кавалерийское училище в Петербурге...

Старший курс училища именовал себя “корнетами” и “офицерством”, и в их полную власть и распоряжение я немедленно поступал, переступив порог Школы, как и все другие мои “сугубые товарищи”, то есть юнкера младшего курса...

При виде корнета молодой обязан был тянуться в струнку и исполнять его приказания беспрекословно, “быстро и отчетливо”. В смысле произвола старший курс был строго ограничен определенными рамками, переходить которые было невозможно. За этим неукоснительно смотрел корнетский комитет и его председатель, власть и компетенция которого были неоспоримы. Согласно этому неписаному уставу, корнет, бывшие в цуке неистощимы до виртуозности, не имели права под угрозой лишения корнетского звания задевать “личное самолюбие молодого” и, упаси Господи, толкнуть его и вообще тронуть хотя бы пальцем.

Молодой как таковой обязан был беспрекословно подвергаться всему тому, что переносили ему подобные из поколения в поколение, но имел право немедленно пожаловаться корнетскому комитету, если в обращении с собой усматривал “издевательство над личностью”, а не над своим сугубым званием. Надо правду сказать, это правило никогда и ни при каких обстоятельствах не нарушалось и свято блюлось десятки лет подряд. Конфликтов в этом вопросе я не помню и даже не слышал о них.

В стенах Школы в глазах начальства, уж не говоря о юнкерской среде, все были равны и все подвергались одинаковой муштровке и цуку, не исключая членов императорской фамилии, проходивших здесь курс.

Трудновато пришлось и всем нам в первое время пребывания в “Славной школе”. По обычаю и начальство, и старший курс “грели” молодежь со всех сторон и по всем поводам в первые недели училищной жизни с определенной целью. Дело было в том, что каждый юнкер младшего курса имел право по желанию покинуть училище или перейти в другое до присяги, которая имела место через месяц. После же присяги все юнкера уже считались на действительной военной службе и из училища могли уйти только в полк вольноопределяющимися. Поэтому-то в интересах службы надо было до присяги сделать отбор из молодежи, допустив до нее только действительно способных и годных к службе в кавалерии.

С этой целью начальство и старший курс с его благословения были особенно придирчивы и суровы для того, чтобы заставить слабовольных и непригодных к кавалерийскому строю юнкеров добровольно покинуть Школу. Средство это старое, испытанное и верное. Каждый год из сотни поступивших на младший курс к моменту принятия присяги оставалось немногим более половины, которые и составляли нормальный состав младшего курса Николаевского кавалерийского училища.

Ко дню присяги “молодые” должны были быть уже подготовлены как в отношении необходимой кавалерийской выправки, так и в знании всего начальства, начиная со своего отделенного и кончая инспектором кавалерии. Они должны были знать наизусть все полки кавалерии, их стоянки, командиров, боевые отличия и формы по особым альбомам, книжке о дислокации войск и полковым щитам-гербам, висящим в гимнастическом зале Школы. К числу “дислока-

ций”, кроме того, относились у нас все имена и отчества юнкеров старшего курса, сведения, в какие полки они намерены выйти, а иногда и имена их любимых девушек.

Старая Россия. Неизвестный герой Великой войны

Особенно было тяжело в свободное от строевых и классных занятий время обязательное вставание при входе в дортуары корнетов, но традиция эта имела, безусловно, свою хорошую сторону. Она приучала видеть нас начальство и в своем юнкере, что потом отзывалось и в дальнейшей службе в полку, где старший по службе корнет делал необходимые замечания в строю и вне его своему же товарищу младшему корнету, и это не вызывало никаких трений. . .

Это была облагороженная и действительно доведенная до истинного аристократизма военная школа. Ее марка оставалась на людях и после выхода из училища в полки. Офицеры, получившие воспитание в Школе, своим видом, манерами и духом выгодно отличались от своих однополчан, выпущенных из других училищ. Бесперывная строевая тренировка, гимнастика всякого рода, и в особенности, та “работа”, которую нас заставляли проделывать юнкера старшего курса, хотя и доводила нас почти до обморока, но зато быстро превращала из “мохнатых” и “корявых” в подтянутую и лихую стайку молодежи. Последние остатки кадетской угловатости сходили с нас не по дням, а по часам в опытных руках “офицерства” (юнкеров старшего курса)».

Как Государь Император посещал юнкерские училища

Государь Император довольно часто приезжал в военные училища. Бывший юнкер Николаевского кавалерийского училища ротмистр Владимир Литгауэр писал о посещении училища императором Николаем II (который славился отличной памятью):

«Однажды император во время посещения школы зашел на урок русской литературы, задал юнкерам несколько вопросов, а затем в течение получаса читал наизусть отрывки из произведений русских классиков.

Наш преподаватель Агапит Тимофеевич был так взволнован и восхищен, что вместо того, чтобы обращаться к императору “Ваше Величество”, неоднократно говорил “Ваше Превосходительство”, словно перед ним был генерал. Подобное обращение не соответствовало и военному званию императора, который был полковником. Однако император не поправлял нашего преподавателя, а только улыбался».

«За Веру, Царя и Отечество»

Константиновец Эраст Николаевич Гиацинтов вспоминал о посещении училища Государем так: «Царь обошел наши ряды... Он нас призывал служить России и не жалеть своих сил для этой службы... Никакие силы не могли удержать кадет, и по мере прохождения Царя за ним следовали все кадеты, неистово крича “ура”, и вышли с ним вместе в швейцарскую, где он надел шинель, сел в сани и поехал. Но кадет нельзя было удержать – мы выскочили на двор и, сорвав с себя винтовки, потрясая ими, бежали за санями Царя (который следовал к Вознесенскому проспекту), продолжая неистово кричать “ура”. После отъезда Царя мы получили 3-дневный отпуск. Всякие занятия, как строевые, так и учебные, были прекращены. Это была, так сказать, награда нам за посещение Царя.

Я должен вам сказать, что наше обожание Государя Императора – это не был фетишизм или, как теперь принято называть, культ личности. Это – совершенно что-то особенное, которое я передать не могу. То же самое я видел и у взрослых людей, которые имели счастье представляться Государю. Таким взволнованным вернулся и мой отец, когда он представлялся Государю по случаю, кажется, производства в тайные советники или получения какого-то ордена – я не помню. У него были какие-то в тот вечер особые глаза. И то же самое я наблюдал у всех, даже левонастроенных людей, которые соприкасались или имели счастье видеть Государя Императора».

Государь и государыня с наследником

Юнкера должны были носить нательные крестики, регулярно посещать храм при училище, соблюдать Великий пост, ежедневно молиться: молились утром перед занятиями, вечером перед сном, с молебна начинался учебный год и любое дело. Закон Божий был обязательным предметом, и вели его опытные пастыри. Александр Васильевич Суворов говорил: «Безверное войско учить – что ржавое железо точить!» Суворовский завет свято хранился во всех военных училищах Российской империи.

Храм при Павловском училище был освящен в честь святых равноапостольных Константина и Елены, и юнкера праздновали храмовый праздник 21 мая по старому стилю.

Когда юнкеров производили в подпоручики – первый офицерский чин, начальник училища вешал каждому из них на шею серебряную Казанскую иконочку Пресвятой Богородицы. После окончания военных училищ молодежь была готова отдать свои жизни за Веру, Царя и Отечество, причем вера занимала в этом девизе первое место.

Понять счастье этой минуты может только тот, кто ее пережил

Окончившие училище выпускались по трем разрядам в зависимости от успехов в обучении. Самые лучшие – по первому разряду – подпоручиками. Это был первый офицерский чин во всех родах оружия Сухопутных сил, кроме кавалерии и казачьих войск (после упразднения в 1884 году для мирного времени чина прапорщика). В кавалерии подпоручик – это корнет, в казачьих войсках – хорунжий, а в современной армии – лейтенант.

Теперь понятна и строфа из песни: корнет Оболенский – юный, недавно окончивший кавалерийское военное училище офицер (в пехоте он был бы подпоручик, у казаков – хорунжий), а поручик Голицын – офицер пехоты и годами постарше, успевший от подпоручика дослужиться до следующего чина.

Те, кто учился в военном училище не блестяще, выпускались по второму разряду – в армейскую пехоту без старшинства. Ну а те, кто не дотягивал даже до второго разряда, выпускались в нижние чины унтер-офицерами (нижние чины состояли из унтер-офицеров и рядовых). В современной армии унтер-офицеры – это сержанты.

Прадедушка, Дмитрий Павлович Мартьянов, окончил училище в 1884 году по первому разряду и был произведен в подпоручики. Ему было девятнадцать лет.

Государь Император всегда присутствовал лично при производстве петербургских юнкеров в офицеры, в остальные же военные училища страны посылались от его имени Высочайшие телеграммы.

Эраст Николаевич Гиацинтов писал: «Мы как-то вообще за этот день сделались более взрослыми. Мы поняли, какой на нас лежит теперь долг и что мы будем командовать солдатами, которые будут беспрекословно выполнять наши распоряжения. Это, конечно большая тяжесть, которая легла на плечи 19-летнего юноши».

С большим чувством о памятном дне производства в офицеры вспоминал и павловец Макаров: «После раннего завтрака мы строем, с винтовками на плечо промаршировали на Царскосельский вокзал, разместились по вагонам и к десяти часам утра, вытянувшись в две шеренги, уже стояли на площади перед Екатерининским большим Царскосельским дворцом... Ровно в десять часов утра, одетый в форму Преображенского полка, приехал Государь Николай II, поздоровался, прошел по фронту, а затем вышел на середину и поздравил нас офицерами...

Павловцы в Красном Селе

Как сейчас помню, погода в этот день была свежая и серенькая. Но в душах у нас светило такое яркое солнце, что при блеске его все люди и все предметы начинали излучать из себя особенное Пасхальное сияние. Царю, который произнес только три слова: «Поздравляю вас офицерами»... было крикнуто оглушительное «ура», не замолкавшее минут пять. По мере того как раздавали приказы, по ниточке выстроенные шеренги расстраивались.

Юноши обнимались и целовались, и у всех глаза сияли самым безудержным счастьем... Понять счастье этой минуты может только тот, кто ее пережил. Почти все эти новоиспеченные офицеры надели военную форму девять лет тому назад десятилетними мальчиками. И все эти девять лет, семь лет корпуса и два года училища, они не имели почти никаких прав, только

обязанности. И вот теперь, по одному слову... в один миг все эти тысячи юношей получили не обыкновенные права граждан, а права исключительные. В России всегда было множество форм, и из всех этих форм офицерская была самая почетная».

Из Петербурга – в Хабаровск

Выпускники военных училищ выходили в разные полки и разные города. Дмитрий Павлович Мартьянов был отправлен из Петербурга в Хабаровск, в 8-й Восточно-Сибирский строительный батальон. Теперь прадедушка мог съездить домой к родителям – в отпуск на 28 дней, а затем его ждал далекий и неизвестный Хабаровск, точнее – Хабаровка (в Хабаровск превратится только в 1893 году).

Шел 1884 год, и до конца века оставалось шестнадцать лет. Как и остальные выпускники военных училищ, Дмитрий Мартьянов получил денежное пособие в размере 400 рублей (это была очень большая сумма для того времени, причем кавалеристам и казакам выдавали на 150 рублей больше – для покупки лошади и сбруи).

Чтобы правильно оценить размер этого денежного пособия, нужно знать, что в те годы в Хабаровке «готовая шуба черная» стоила около 20 рублей, полная сбруя рабочая для лошади – 20 рублей, телега с окованными колесами – 45 рублей, килограмм соли – 15 копеек, килограмм сахара – 50 копеек, килограмм сала – 60 копеек (тогда считали, конечно, пудами и фунтами). Это все считалось очень дорого, в Центральной России было дешевле.

Настоящее приключение

Путешествие казалось 19-летнему подпоручику настоящим приключением – ведь место его будущей службы находилось на самом краю Российской империи, за 9000 километров от Санкт-Петербурга.

В эти годы действовала программа переселения крестьян к берегам Амура, причем им выделялись большие наделы земли, деньги на постройку жилищ, пара лошадей или быков, корова, семена для посевов, семена овощей и предметы хозяйственного обзаведения.

Переселение было крайне сложным: железных дорог к востоку от Урала еще не построили, и путь на обычной крестьянской телеге по сибирскому тракту и почти полному бездорожью Забайкалья растягивался на полтора-два года. В наше время это трудно представить: ехать на телеге, запряженной лошадкой (которая тоже устает), не просто неделю, а два года – под палящим солнцем и проливным дождем, в стужу, мороз и снегопад.

Переселенческий пункт

Тогда решили возить переселенцев пароходами, так что и мой прадед плыл в Хабаровку на пароходе. Путь получался дорогим, экзотическим, но вместо двух лет занимал два месяца. Плыли из Одессы морем, через проливы Босфор и Дарданеллы – к Суэцкому каналу, мимо Индии и острова Цейлон, вдоль берегов Вьетнама, Китая, Кореи и Японии, во Владивосток. Полагаю, этот путь запомнился Дмитрию Павловичу на всю жизнь.

Прадедушка матушки Елены обратил внимание на то, что среди пассажиров парохода преобладали представительницы женского пола всех возрастов. Это обстоятельство оказалось неслучайным: правительство осознало тот факт, что на Дальнем Востоке заметно больше мужчин, чем женщин, и тогда за счет государства стали перевозить те семьи, где число девочек и женщин превышало количество мужчин.

Хабаровка и жизнь в ней

До середины XIX века нынешний Хабаровск находился на нейтральной территории, не разграниченной между Китаем и Российской империей. России нужно было защищать свои восточные границы, и первыми сюда поехали военные, основав в 1858 году Хабаровку как военный пост.

К моменту приезда Мартьянова это был мужской городок: три тысячи мужчин (из них половина – военные) и всего 870 женщин. Семьи были многодетные, и по улицам бегали около тысячи детишек. Здесь также было много рабочих-китайцев (у прадедушки потом будет жить повар-китаец).

Первым офицерам были обещаны выслуга лет, льготы, повышение в чинах, и многие только и ждали момента, чтобы вернуться назад – в европейскую часть России. Дмитрий Мартьянов тогда еще не знал, что проведет в Хабаровке большую часть своей жизни – более сорока лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.